

На правах рукописи

Лобанова Людмила Сергеевна

**Сюжет о жертвоприношении животных
в народной традиции коми: модели экспликации**

Специальность: 5.9.4 – Фольклористика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 2023

Работа выполнена в секторе фольклора Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук».

Научный руководитель: **Панюков Анатолий Васильевич**,
кандидат филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
фольклора Института языка, литературы и
истории ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии
наук».

Официальные оппоненты: **Мороз Андрей Борисович**,
доктор филологических наук, доцент,
профессор школы филологических наук
факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая
школа экономики»,

Фадеева Людмила Витальевна,
кандидат филологических наук, заведующий
сектором фольклора и народного искусства
отдела исполнительских искусств ФГБНИУ
«Государственный институт искусствознания».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Защита диссертации состоится «22» ноября 2023 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета 24.1.080.01 на базе ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН:
<https://imli.ru/dissertatsionnyj-sovet-24-1-080-01/zashchity/5539-syuzhet-o-zhertvoprinoshenii-zhivotnykh-v-narodnoj-traditsii-komi-modeli-eksplykatsii>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.С. Макаров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Степень разработанности проблемы. В публикациях XVIII – первой трети XX в. обряд жертвоприношения животных в народной традиции коми описывается как что-то экзотичное и древнее. Интерес к указанному обряду чаще всего был обусловлен тем, что не встречался у русских, поэтому рассматривался как иллюстрация древних верований и обрядов зырян.

В начале XX в. идея дохристианского происхождения обряда жертвоприношения животных получила дальнейшее развитие. На основе актуальных и разработанных в то время мифологических и религиоведческих теорий ритуал принесения в жертву животных был рассмотрен исследователями в рамках теорий анимизма (П. А. Сорокин) и тотемизма (А. С. Сидоров), что не оставило сомнений в древности обряда. В исследованиях второй половины XX в. ритуал жертвоприношения представлен как календарный обряд коми, в котором отразились языческие и православные традиции. (В. Н. Белицер, Н. И. Дукарт, Н. Д. Конаков).

В христианстве ритуал жертвоприношения животных не имеет официального конфессионального статуса и исключается из религиозных обрядов. Священнослужителям на местах еще в XIX в. настоятельно рекомендовалось бороться с ним как с проявлением язычества, искажением религиозного учения. Данные аргументы могли повлиять на то, что и в исследованиях ритуал принесения в жертву животных искусственно отделялся от религиозной практики и интерпретировался как реликт древнего обряда или системы представлений (теория «пережитков») не только в коми традиции, но и других финно-угорских (Г. Г. Шаповалова, А. П. Конкка) и славянских народов (А. Н. Афанасьев, Д. К. Зеленин, Б. А. Рыбаков). Однако прямо противоположная точка зрения была высказана А. Б. Морозом. Он указал на распространение жертвоприношений животных в иудаизме, привел наиболее известные библейские сюжеты с принесением в жертву животных, среди которых значительное место занимают сведения о подобных обрядах «при

освящении христианских храмов и при праздновании больших церковных праздников»¹. Кроме того, актуальность практики принесения в жертву животных в христианской традиции, по мнению исследователя, подтверждается и содержанием средневековых славяно-византийских требников, в которых выделяется «значительное количество молитв на заклание жертвенного животного и множество указаний, регламентирующих эти заклания»². Наше исследование не только дополняет список источников о ритуале принесения в жертву животных в христианской традиции, но и позволяет рассмотреть роль и место обряда в православной сельской общине коми конца XIX – начала XX в. Кроме того, это первое в отечественной науке диссертационное исследование, посвященное систематизации и классификации разных форм экспликации обрядового события и связанного с ним сюжета о жертвоприношении животных.

В 1930-е гг. в связи со сменой религиозной, общественной, хозяйственной системы обряд жертвоприношения из актуальной обрядовой практики перешел в область устной традиции, согласно законам которой был изменен. В современных экспедиционных материалах эти тексты представляют собой воспоминания о бытовавших в конкретной местности календарных обычаях и обрядах, запись которых является неотъемлемой частью фольклорно-этнографических экспедиций. С одной стороны, народный календарь объединяет все сферы традиционной культуры и аккумулирует различные жанры, с другой – несёт в себе признаки локальности. Все эти тексты воплощают коллективную память, бытующую в устной форме³, и их фольклорность не вызывает сомнений. А определение их специфических формальных признаков сопряжено с теоретическими и терминологическими проблемами выделения жанров устной прозы. Поскольку зафиксированные

---

¹ Мороз А.Б. Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели // *Ethnolinguistica Slavica*. М., 2013. С. 225.

² Там же.

³ Неклюдов С.Ю. Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи // *Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник научных статей*. М., 2013. С. 9–15.

тексты не вписываются в распространенные определения жанров устной несказочной прозы и неясно, как их интерпретировать, они чаще всего остаются за рамками исследований фольклористов. В лучшем случае, используются отдельные фрагменты как информация об обряде, имевшем место в исследуемой локальной традиции. В таком варианте обряд и текст с его упоминанием вступают в те же связи, что и события исторического прошлого и фольклор, и выводят исследование в область проблем соотношения действительности и фольклора, сохранения, отбора и трансляции культурной памяти, изучения механизмов текстообразования и функционирования, которые предлагается рассмотреть на основе двух локальных вариантов сюжета жертвоприношения – с мотивом хватания жертвенного мяса и явления оленя на жертву. Указанные проблемы входят в круг актуальных задач современной фольклористики, чем обосновывается **актуальность диссертационного исследования.**

Объектом настоящего исследования являются письменные и устные тексты об обряде жертвоприношения животных, которое было актуальной религиозной практикой в православной сельской общине коми до 1930-х гг.

Предмет исследования – модели экспликации сюжета о жертвоприношении животных народной традиции коми в письменной и устной словесности.

Цель диссертационной работы – выявление особенностей экспликации обрядового события в каждой из моделей и определение механизмов трансформации сюжета о жертвоприношении животных, связанных с его переходом из актуальной обрядовой практики в область устной традиции.

Помимо собственно фольклорных произведений, сюжет о жертвоприношении животных и его обрядовые реализации находят свое отражение в литературных, документально-художественных, научных, исторических текстах разного типа. Разнообразие этих форм связано с особенностями жанра произведения, авторского замысла, научного подхода и общественного мнения на объект описания, методологических установок и ряда

других факторов. Данное положение обусловило введение термина *модель экспликации*, которая понимается как структурно-семантическая схема, обладающая закономерностями превращения события в текст. Образование текста, по словам Ю. М. Лотмана, означает пересказ события в системе того или иного языка, т.е. подчинение его определенной, заранее данной структурной организации⁴. Подобный подход был апробирован С. Ю. Неклюдовым в изучении «мифологической модели»⁵, которая определялась как «программа текстопорождения» (задает структуру повествования), и «повествовательной матрицы», которая играет «роль своеобразного бредня, в ячейках и на узлах которого оседают некоторые “исторические воспоминания” – в основном, в виде отдельных коннотативно нагруженных имен и названий»⁶.

Диссертационное исследование предполагает анализ текстов в двух аспектах, каждому из которых соответствует свой круг задач:

- 1) диахронический – изучение письменных источников, отражающих сведения о жертвоприношении животных среди народа коми, в ходе которого решаются следующие задачи:
  - выявить в сочинениях документально-очеркового и исторического характера XVIII – первой трети XX в. сведения о практике жертвоприношения животных в народной традиции коми и связанные с ней фольклорные тексты,
  - изучить специфику репрезентации сведений об обряде жертвоприношения и фольклорных форм в этих текстах,
  - систематизировать выявленные материалы по типу экспликации обрядового события,

---

⁴ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 206–238.

⁵ Неклюдов С.Ю. Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. М., 2013. С. 9–15.

⁶ Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ–60. Сборник к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007. С. 77–86.

- исследовать особенности экспликации легенды о явлении оленя в материалах и исследованиях по коми традиции,
  - определить роль и место практики жертвоприношения в традиционной культуре коми;
- 2) синхронический – изучение фольклорной экспликации этнографического факта на основе экспедиционных записей, в ходе которого решаются следующие задачи:
- представить корпус фольклорных текстов, в которых эксплицируются сведения о жертвоприношении животных,
  - сопоставить сведения о жертвоприношении животных, полученные из письменных и устных источников,
  - изучить, какие компоненты исследуемого этнографического явления включаются в устные нарративы,
  - определить специфику экспликации сюжета о жертвоприношении в устной традиции,
  - изучить, каким образом сведения о жертвоприношении транслируются в устной традиции локального сообщества,
  - выяснить функциональное назначение нарративов о жертвоприношении животных.

Указанный ракурс исследования предопределил характер **материалов**, используемых в диссертационной работе. Во-первых, это документально-художественные произведения, этнографические описания, «народоведческие штудии», записки краеведов, летописи церквей, исторические сведения XIX – первой половины XX в., опубликованные в различного рода изданиях и выявленные в архивных коллекциях (конкретные сведения представлены в списке источников). Во-вторых, это материалы фольклорно-этнографических экспедиций второй половины XX – начала XXI в. в основном сотрудников сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, в том числе, автора работы, хранящиеся в Фольклорном фонде ИЯЛИ, а также Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета

имени Питирима Сорокина (конкретные сведения представлены в списке экспедиционных записей).

Теоретико-методологические основы исследования. На этапе выявления сведений об обряде жертвоприношения животных в письменных источниках использовалась методика сквозного исследования документально-художественной словесности XVIII – первой трети XX вв., когда обряд находился в актуальной фазе бытования. Собранный материал анализировался с помощью сравнительно-исторического, текстологического и биографического методов. Для исследования обряда жертвоприношения домашнего животного применялись методы сравнительно-сопоставительного, типологического, структурно-семантического, структурно-функционального анализа, сформулированные в работах Ю. М. Лотмана, П. Г. Богатырева, А. К. Байбурина. Продуктивным оказалось изучение обряда как культурного текста (Н. И. Толстой) и коммуникативного акта (Е. С. Новик). Теоретической базой исследования фольклорных текстов послужили фундаментальные труды по теории фольклора Б. Н. Путилова, К. В. Чистова, С. Ю. Неклюдова, С. Б. Адоньевой. При сборе полевого материала были использованы методы интервьюирования и включенного наблюдения. При изучении фольклорных нарративов применялись методы структурно-семантического и прагматического анализа текста на основе исследований Е. С. Новик, С. Ю. Неклюдова, С. М. Толстой, Е. Е. Левкиевской, С. Б. Адоньевой.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые:

- предложен междисциплинарный, комплексный подход к материалу и методам его интерпретации, что позволило представить все экспликации обрядового события (от этнографического факта до локального прозвища) как единый объект фольклористического изучения;

- рассмотрен обряд жертвоприношения животных как феномен народной традиции коми;

- выявлены и изучены особенности отражения сведений об обряде жертвоприношения в документально-художественной литературе и научных исследованиях XVIII –XX вв.;

- исследованы структура и семантика обряда жертвоприношения, особенности его функционирования;

- определены жанровые особенности фольклорных текстов с сюжетом принесения в жертву домашнего животного, механизмы их текстообразования и функционирования;

- в научный оборот введен корпус архивных материалов и экспедиционных записей.

Научно-практическая значимость исследования. Основные положения и выводы диссертации позволяют уточнить происхождение и структуру обряда жертвоприношения животных и в дальнейшем могут быть учтены при изучении этого ритуала в других локальных традициях. Полученные в работе результаты могут быть использованы при систематизации и анализе устной сказочной прозы, в том числе экспедиционных записей. Предложенная классификация экспликации обряда в письменных источниках может быть применена при рассмотрении других обрядов, относящихся к прошлому традиции. Исследование развития мотива явления оленя в локальной традиции вишерских коми может быть дополнительным источником при изучении распространения легенды с указанным мотивом в мировом фольклоре, а также стать основанием для включения данного мотива в указатели по сказочной прозе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В результате проведенного текстологического анализа источников, содержащих сведения об обряде жертвоприношения животных, которое было актуальной религиозной практикой православной сельской общины коми до 1930-х гг., были выявлены модели экспликации обряда, каждый из которых характеризуется особым способом и формой его репрезентации. Обряд жертвоприношения животного может быть представлен как «древний обычай

зырян», «заветный обычай местного прихода», «живописный обычай зырян», «иллюстрация научных концепций» или «календарный обряд коми».

2. В большей части проанализированных источников, относящихся к XVIII – первой половине XX в., ритуал принесения в жертву животных, как религиозное явление, не имеющее официального конфессионального статуса в христианстве, признается язычеством, искусственно отделяется от религиозной практики и интерпретируется как реликт древнего обряда или системы представлений. В результате такого подхода в исследованиях на эту тему происходит экстраполяция, когда на основе анализа данных, относящихся к более позднему времени, делаются выводы по раннему периоду, что мы наблюдали с первых сведений об обряде жертвоприношений вплоть до исследований XX в.

3. Рассмотрение жертвоприношения с точки зрения функционирования позволило выявить в этом явлении религиозную логику. Принесение в жертву животного является обетом, который, в зависимости от типа – индивидуальный или общественный, а также ситуации зарождения, условий и времени его развития, на момент фиксации может быть представлен в составе как престольного, часовенного, обетного / заветного праздника, так и молебна почитаемому святому, крестного хода, обхода полей и пастбищ с молебнами, каждый из которых может встречаться отдельно и совмещаться с остальными. Всё это дает основание сделать вывод, что принесение в жертву животного до 1930-х годов представляло собой вернакулярную религиозную практику⁷, сформировавшуюся в православной сельской общине коми на основе христианского учения и системы традиционного хозяйства.

4. Современные нарративы, содержащие сведения о жертвоприношении, не отражают этнографические реалии об обряде жертвоприношения. Они создаются в момент исполнения на основе сюжетообразующего мотива по

---

⁷ Мы придерживаемся определения Л. Приммиано, приведенного в работе А. А. Панченко: *Панченко А.А. Религиозные практики и религиозный фольклор. С. 70.*

модели предания и являются способом выражения локальной идентичности и / или структурирования времени на основе событий местной истории.

5. Легенда с мотивом чудесного явления оленя в фольклорной культуре вишерских коми связана с христианской традицией, входит в круг текстов о чудесном явлении иконы и чудесах, происходящих вокруг нее, и вместе они могут рассматриваться как повествования, объясняющие сакральный статус культового объекта, что во многом обусловлено историческими и социальными преобразованиями.

6. Сюжет легенды о явлении оленя в письменной словесности реализовывался в самых различных формах (как часть литературного или исторического сочинения, воспоминание о древнем обряде) и рассматривался исследователями как источник или доказательство чудесных свойств явленной иконы, утверждения христианства среди язычников / охотников, тотемизма, смены охотничьей культуры скотоводческой, символа осеннего периода охотничьего календаря. На наш взгляд, приведенные гипотезы основываются на рассмотрении сюжета легенды как факта прошлого и не учитывают природу текста легенды о явлении оленя – принадлежность к православной фольклорной культуре.

7. Анализ разновременных и разножанровых текстов с мотивом чудесного явления оленя (сюжет фольклорного текста в литературном произведении, легенда, предание, прозвищный фольклор, географическая песня⁸) позволяет сделать вывод о том, что мотив «чудесного явления оленя» имеет сюжетопорождающее свойство, может реализовываться в текстах различных жанров. Выбор жанра зависит от отношения текста к действительности (модальности), а также от состояния традиции. Если в XIX в.

---

⁸ Географическая песня – особая группа в жанровой системе песенного фольклора с ярко выраженной пространственной компонентой. См.: *Зеленин Д.К.* Народные присловья, и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк // *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М., 1994. С. 59–104; *Калуцков В.Н., Иванова А.А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006. С. 15–16; *Савельева Г.С.* Географические песни Выми: материалы // *Фольклористика Коми: Исследования и материалы.* Тарту, 2016. С. 223–224.

легенда с мотивом «чудесного явления оленя» придавала сакральный статус актуальному обряду жертвоприношений, то в конце XX – начале XXI в., потеряв свою актуальность со сменой религиозной системы и хозяйственно-культурного уклада, перешла в разряд «местной истории» и стала основой преданий с мотивом «чудесного явления оленя к Вишерской церкви и / или жертвоприношения домашнего животного».

Апробация результатов. Основные положения и результаты диссертационной работы были представлены в виде докладов на международных конференциях: «“Остались от оленя рожки да ножки” или легенда об олене в современной фольклорной традиции вишерских коми» на XII Международной конференции фольклористов «Фольклор и народ» (Тарту, 2017), «Александр Федорович Попов – новое имя в исследовании зырян и зырянского языка» на XIX Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Сыктывкар, 2022), «Экспликация легенды о явлении оленя к Вишерской церкви в материалах и исследованиях по коми традиции» на III Международных чтениях памяти В. М. Гацака «Традиции во времени» (Москва, 2023); а также всероссийских научных конференциях: «Фольклорная традиция вишерских коми: историографический аспект» на III Всероссийской научной конференции «Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия» (Сыктывкар, 2017), «Из устной истории церкви с. Богородск Корткеросского р-на Республики Коми» на Всероссийской научной конференции «Краеведение и наука в России: к 95-летию Общества изучения Коми края» (Сыктывкар, 2017), «Легенда об олене в современной устной традиции вишерских коми» на IV Всероссийском конгрессе фольклористов (Тула, 2018), «Устные рассказы-воспоминания с мотивом “хватания мяса” на Ильин день: семантика и прагматика текста» на V Всероссийском конгрессе фольклористов (Рязань, 2022), «Обряд жертвоприношения в научной концепции А. С. Сидорова» на Всероссийской научной конференции «Краеведение и наука на Европейском

Северо-Востоке России», посвященной 100-летию Общества изучения Коми края (Сыктывкар, 2022), «Жертвоприношение животных – “обычай местного прихода” (особенности экспликации обряда в церковно-приходских летописях Коми края второй половины XIX – начала XX вв.)» на II Всероссийской научной конференции «Чагинские чтения» (Пермь, 2022), «Нарративы с мотивом *Илля яй кватайтны* ‘хватать Ильинское мясо’: форма, структура и прагматика текста» на Всероссийской научной конференции XIV Мелетинские чтения (Москва, 2022), «К вопросу об оригинальности сюжета легенды о явлении оленя в сочинении А. Ф. Попова» на II Всероссийской научно-практической конференции «Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России» (Ижевск, 2023).

По теме исследования опубликовано 5 статей в рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ (в том числе 2 статьи в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и систем цитирования Scopus), и 5 публикаций в других изданиях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается общая характеристика работы, обосновывается её актуальность, определяются объект, предмет, цель, задачи, материалы и методы исследования, характеризуются научная новизна и научно-практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации результатов диссертационного исследования.

Первая глава **«Жертвоприношение животных в традиционной культуре коми: модели экспликации в письменной словесности и научных**

исследованиях XVIII – XX веков» посвящена анализу и классификации источников, содержащих сведения об обряде жертвоприношения животных, которое было актуальной религиозной практикой православной сельской общины коми до 1930-х гг. В результате анализа были выявлены модели экспликации обряда, каждый из которых характеризуется особым способом и формой репрезентации обряда.

Модель **«Жертвоприношение животных – “древний обычай зырян”» (параграф 1)** объединяет 12 описаний обряда жертвоприношений второй половины XVIII – XIX в., из которых, за исключением двух этнографических очерков, посвященных полностью жертвоприношениям, остальные являются фрагментами сочинений таких жанров, как путевые заметки, местнографический очерк, травелог, этнографический очерк и этнографическая беллетристика, представленных отдельными изданиями, в периодической печати и рукописях архивных коллекций. Объединяет их стиль изложения, который характерен для этнографических описаний середины XIX в., изображающих «инородческую провинцию» с выраженным отчуждением автора от описываемых событий. Интерес авторов к жертвоприношению животных чаще всего обуславливается тем, что обряд не встречается у русских, поэтому рассматривается как иллюстрация древних верований и обрядов зырян. Только три описания составлены на основе личных наблюдений авторов, остальные тексты являются компиляцией различного рода письменных свидетельств, устных сообщений и опубликованных материалов, где вследствие обобщения, которое имело целью представить жертвоприношение как обычай зырян, упускается локализация обряда, смешиваются различные типы и варианты ритуала. Многие фрагменты этих работ дублируются, являясь иллюстрацией теоретических рассуждений авторов, причем в ряде случаев прямо противоположных.

Описания обряда, содержащиеся в церковно-приходских летописях второй половины XIX – начала XX в., составили модель **«Жертвоприношение животных – “заветный обычай местного прихода”» (параграф 2).**

Приходится признать, что составители летописей, описывая ежедневную жизнь сельской общины, либо обходили стороной жертвоприношения, либо ограничивались скудными описаниями. Сведения о жертвоприношениях животных выявлены в исторических частях только трех летописей и одной повременной части, где представлены в тесном переплетении с историей местного прихода, повседневной (хозяйственной) и праздничной жизнью сельской общины. Данные тексты становятся ценнейшим источником при изучении как структуры и состава обряда принесения в жертву животного, так и его места в системе церковной религиозной практики, народной культуры, в выявлении семантики и системных связей ритуала.

Литературные формы воплощения обряда объединены в модель **«Жертвоприношение животных – “живописный обычай зырян”» (параграф 3)**. Проанализированы два фрагмента сочинения И. А. Шергина «В дебрях Севера» (1910). Эти описания отличает то, что в них указываются место и время проведения обряда, детально передаются происходящие события, присутствует его эмоциональная составляющая, интерпретации участников и оценка автора-наблюдателя.

Особенностью модели **«Жертвоприношение животных – иллюстрация научных концепций в этнографических исследования начала XX в.» (параграф 4)** является представление обряда в контексте теорий анимизма (П. А. Сорокин), культа предков (В. П. Налимов) и тотемизма (А. С. Сидоров). Выявлено, что источником сведений об обряде являются личные воспоминания и полевые материалы авторов, а также опубликованные работы, рассмотренные в первом и третьем параграфах. Описания жертвоприношения характеризуются здесь краткостью и обобщенностью, преобладает поиск и выявление «корней» обряда, соотнесение актуальных религиозных практик с древними формами религий и дохристианским мировоззрением, при этом игнорируется связь с христианством.

Модель **«Жертвоприношение животных – календарный обряд коми» (параграф 5)** реализуется в фольклорно-этнографических исследованиях

второй половины XX – начала XXI в. Данную модель отличает то, что описание обряда принесения в жертву животного основывается уже на конструируемых реальностях (конструируется объект исследования), его элементы собираются из разных источников, в основном из различного рода опубликованных работ, а также полевых материалов, зафиксированных в форме воспоминаний о жертвоприношениях. В публикациях второй половины XX в. обряд жертвоприношения представлен как календарный обряд коми, в котором переплелись языческие и православные традиции. В начале XXI в. такой подход в интерпретации обряда сменился концепцией экспликации локальных особенностей.

На основе рассмотренных описаний жертвоприношения был проведен структурно-типологический анализ обряда: выделены основные типы и этапы обряда, состав и участники, место и время его проведения, выявлены функции, установлены связи с религиозной практикой и системой традиционного хозяйства. Это позволило представить **«Жертвоприношение животных как элемент религиозной обрядности православной сельской общины коми XVIII – первой трети XX в.» (параграф 6)** и рассмотреть его в рамках обетной практики, согласно которой принесение в жертву животного может рассматриваться и как благодарность святому за оказанную помощь (то есть, в некотором роде, ответная реплика, завершение начатого диалога со святым), и как способ поддержания отношений, продления договора между общиной и сакральными покровителями, выражение почтения. Подобно большинству обетных действий, принесение в жертву животного «требовало затраты временных и экономических ресурсов»⁹. С практической же стороны это, по сути, пожертвование ценности, которой обладает податель, что приносит доход церкви (в виде внесения в казну выручки от продажи обетных животных и мяса) и священнослужителям (в виде выделяемого им мяса животных). В последующем на вырученные средства покупаются свечи и всё необходимое

---

⁹ Антонов Д.И. Вотивные дары на Руси: предметы и практики // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4. С. 52.

для церковной обрядности. Таким образом, благодаря пожертвованию животного обеспечивается возможность, как проведения церковной службы, так и исполнения коллективного обета – совместной трапезы.

Во второй главе **«Хватание Ильинского мяса»: от ритуальной действительности к сюжетообразующему мотиву преданий об Ильине дне в с. Ношуль Прилузского района Республики Коми»** анализируется особое ритуальное поведение – хватание мяса, которое составляло неотъемлемую часть обряда жертвоприношения животных на Ильин день с. Ношуль Прилузского р-на Республики Коми до 1930-х гг., а также выявляются особенности функционирования и текстообразования рассказов о жертвоприношении на Ильин день в современной устной традиции с. Ношуль и определяется роль мотива «хватания мяса» в этих текстах.

Первый параграф **«Модели экспликации ритуала жертвоприношения на Ильин день в с. Ношуль в краеведческих материалах середины XIX в.»** состоит из трех разделов. В первом разделе **«Особенности экспликации обряда в литературном очерке»** рассматривается сочинение М. С. Косарева «Ильин день в селе Ношульском» (1848 г.). Отмечено, что содержание текста соответствует его названию и представляет собой последовательное описание увиденного и услышанного автором в с. Ношуль 20 июля 1858 г. на праздновании Ильина дня. Данный текст рассматривается с разных позиций. С точки зрения подачи этнографического материала (отражение структуры и содержания праздника) очерк считается полным, в некотором роде – детальным описанием праздника, составленным по хронологическому принципу. Включение в произведение прямой речи с комментариями и истолкованиями участников обряда позволяет представить роль и место жертвоприношения в традиционном хозяйстве и мировоззрении ношульских крестьян середины XIX в. Внимательный наблюдатель отметил многие детали происходящих событий (наряды, поведение и размышления людей), передано настроение участников праздничных церемоний, а также впечатления автора – очевидца событий. Использование характерных черт очерковой прозы позволяет автору

собранный этнографический материал преподнести «в той образно-художественной манере, которая бы была понятна и интересна читателю»¹⁰. Художественную ценность тексту придают доступный и интересный язык, природные зарисовки, яркие портреты сельских жителей, включение прямой речи.

Конструирование научного текста из биографического опыта рассмотрено во втором разделе **«Особенности экспликации обряда в научном очерке»** на основе анализа фрагмента рукописи М. С. Косарева «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда». Научный текст характеризуется деперсонализацией, и, не читая очерка, невозможно дать однозначный ответ на вопрос: был ли автор участником событий или составил описание по рассказам местных жителей и иным источникам. В очерке удается совместить два способа описания обряда: автор – очевидец праздника – описывает происходящие действия, в то время как о целях, поводах, ходе событий рассказывают носители традиции. Кроме того, в очерке передан нелинейный характер обряда, действия которого происходят одновременно в разных местах: после литургии мужчины идут к реке закалывать животных, а женщины и дети остаются в церкви на молебен и выходят уже к приготовленному мясу. Данный факт упущен в этнографическом тексте. В остальном сценарий обряда жертвоприношения в научном описании не содержит существенных изменений, рассказы носителей традиции переданы в форме ритуальных мотивировок и комментариев к обрядовым действиям.

В третьем разделе параграфа **«"Хватание мяса" как часть ритуала жертвоприношения»** рассматриваются различные варианты экспликации указанного ритуального поведения. В текстах М. С. Косарева описания «хватания мяса» во многом совпадают, отличаясь лишь стилем изложения. Приведенные им интерпретации носителей традиции не отражают семантики

---

¹⁰ Лимерова В.А. У истоков коми литературной эпики: описания путешествий, местнографические сочинения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография. Екатеринбург–Ижевск–Сыктывкар, 2014. С. 112.

ритуального действия и являются, скорее всего, импровизациями в ответ на просьбу автора-наблюдателя прокомментировать необычное поведение участников ритуала. Ценность этих высказываний заключается в том, что они «возникают в рамках традиционного мышления»¹¹ и «в этом смысле мифологическая семантика, содержащаяся в подобной рефлексии, вполне аутентична и репрезентативна»¹². Хватание кусков жертвенного мяса с криком и шумом в литературном очерке представлено автором как необычное и неожиданное поведение участников обряда, а в этнографическом очерке указывается как особенность обряда жертвоприношения ношульских пермяков, в отличие от зырян Усть-Сысольского уезда и Орловских пермяков. В большинстве описаний обряда жертвоприношения, рассмотренных в первой главе работы, подчеркивается соблюдение тишины при совместной трапезе и очень бережное отношение, как к мясу, так и остаткам пищи, которую обычно закапывают, чтобы не досталось собакам, или используют в магических целях (например, обглоданную кость закапывают в хлеву с целью улучшения вода скота). Во всем корпусе текстов описаний обряда жертвоприношения хватание мяса встретилось только два раза. В силу того, что в этих текстах обряд представлен как «обычай зырян» без привязки к конкретной местности, и у нас нет возможности его локализовать, соответственно, мы не можем утверждать: в приведенных выше текстах описан ношульский обряд или других / другого населенного пункта. Кроме того, в экспедиционных материалах зафиксированы сведения о хватании мяса в форме интерпретации коллективного прозвища жителей с. Слудка Прилузского р-на «слудяне – мосольники»: в одном тексте мотивируется тем, что «они около церкви ели отваренное мясо – *мосол* в день хватания мослов», а во втором – «*мосол* хватали в Спасов день». Ареал распространения ритуального «хватания мяса» не ограничивается коми традицией. Подобное поведение было характерно для

---

¹¹ Мороз А.Б. Народная интерпретация этнографического факта // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Никиты Ильича Толстого. М., 2004. С. 174–182.

¹² Неклюдов С.Ю. «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. К 90-летию со дня рождения К.В. Чистова. СПб., 2011. С. 40–47.

летних обетных жертвоприношений в отдельных местностях карел¹³ и северных русских¹⁴. Если ритуал жертвоприношения вполне укладывается в систему народного православия, то «хватание мяса» противопоставляется церковному поведению – тишине, смирению, молитве, и в то же время может быть сопоставлено с сельскими престольными праздниками. Рассмотрение его в ряду других необычных способов раздачи жертвенного мяса, таких как разбрасывание с крыши здания и выдача через церковную ограду, позволяет сопоставить ритуальное поведение с драками и кулачными боями сельских престольных праздников. Хватание мяса добавляет ритуалу принесения в жертву животного «необычности», «казуса», благодаря чему сведения о жертвоприношении сохраняются в устной традиции.

«Модели экспликации сюжета о жертвоприношении в устной традиции середины XX – начала XXI в.» (параграф 2) начинается с анализа **«Экспликации сюжета о жертвоприношении в устном рассказе-воспоминании»**. Выделяя рассказ-воспоминание в отдельную группу, мы опираемся, в первую очередь, на исследования С. Н. Азбелева. Он рассматривает устные рассказы-воспоминания и пересказы чужих воспоминаний как «промежуточные звенья» в создании предания и легенды, «своего рода “естественный отбор”, объективным критерием которого является общественная значимость содержания рассказа»¹⁵. Подобное мнение высказывает и В. П. Кругляшова. Считая рассказ-воспоминание «существенным источником для пополнения преданий», в качестве отличительного признака выдвигает «степень обобщения жизненного

---

¹³ *Розов А.Н.* Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» (1898–1918). Аннотированный тематико-библиографический указатель // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* Т. XXXIII. СПб., 2008. С. 376–377; *Конка А.П.* Материалы по календарной мифологии и календарной обрядности сямозерских карел // *Антропологический форум.* 2007. № 6. С. 371–373.

¹⁴ *П. Мошинский приход Каргопольского уезда* // *Олонецкие епархиальные ведомости.* 1907. № 3. С. 75–79. В современном административном делении это Каргопольский и Няндомский районы Архангельской области.

¹⁵ *Азбелев С.Н.* Современные устные рассказы // *Русский фольклор. Проблемы современного народного творчества.* Т. 9. М., Л., 1964. С. 164

материала»¹⁶. Рассказ-воспоминание о ношульском обряде жертвоприношения на Ильин день было зафиксирован А. К. Микушевым в 1961 г. При сопоставлении этого текста с этнографическим описанием М. С. Косарева заметны значительное сокращение перечисляемых обрядовых действий, изменения отдельных элементов обряда, редуцирование мест и эпизодов событий. Все это говорит в пользу устной природы текста, рассказчик не описывает реально наблюдаемые действия, а рассказывает об отдельных эпизодах события опосредованно цели сообщения. Больше всего разница наблюдается в интерпретациях ритуального поведения – хватания мяса. В целом же жертвоприношение признается рассказчиком как необычное событие в прошлой жизни сельского общества, благодаря чему обряд текстуализируется. Предполагаем, что такие повествования имели широкое распространение и актуализировались в контексте Ильина дня. Это обеспечило трансляцию сюжета о жертвоприношении в локальной фольклорной традиции с. Ношуль Прилузского р-на, которая была зафиксирована в 2006 г. Учитывая специфику фольклорных текстов, у нас появляется возможность, с одной стороны, проследить механизмы формирования фольклорного текста и особенности функционирования, и с другой – выявить принципы отбора, преобразования исторических элементов в этих текстах.

Во втором разделе данного параграфа **«К вопросу жанрового определения нарративов о жертвоприношении»** изложены основные теоретические подходы в исследовании устных прозаических текстов, связанных с местной историей, начиная от проблемы наименования жанра до определения его жанрообразующих признаков и типичных характеристик. Установлено, что для отнесения нарративов о жертвоприношении к жанру преданий и выявления их функциональных особенностей необходимо проанализировать контекстные связи, форму и структуру текста, основные содержательные элементы, механизмы создания и воспроизведения, а также

---

¹⁶ Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. С. 7.

внетекстовые характеристики (ситуацию рассказывания, определить роли и статусы собеседников, характер коммуникативной ситуации), что реализовано в третьем разделе данного параграфа **«Нарративы с мотивом *Илля йй кватайтны* ‘хватать Ильинское мясо’: форма, структура и функции текста»**. Из всего корпуса материала, записанного в ходе фольклорно-этнографической экспедиции 2006 г., было выделено 22 фрагмента интервью, в которых эксплицируются сведения о принесении в жертву животного на Ильин день в с. Ношуль. Несмотря на различия в содержании и объёме зафиксированных текстов, между ними наблюдаются существенные общие моменты. Тексты имеют устную природу происхождения. Анализ текстов позволяет говорить о том, что в данной локальной традиции «хватать Ильино мясо» в языковом плане является устойчивым выражением. Языковая форма выражения «хватать Ильино мясо» обеспечивает взаимосвязь с Ильиным днем и ежегодную актуализацию. Как в живом бытовании, так и во время интервью, упоминание Ильина дня активизирует в памяти исполнителя устойчивое выражение «хватать Ильино мясо». На основе этого мотива непосредственно в момент исполнения по модели предания создается текст, который является подтверждением факта этого события на Ильин день в Ношуль. Этим объясняется формально-содержательное разнообразие записанных текстов. Вслед за К. В. Чистовым мы рассматриваем их как разные способы передачи информации¹⁷, каждый из них – не отдельный вариант текста, а один из возможных способов реализации мотива хватания мяса / заклания животного. С содержанием текста (местная история) и структурой (факт прошлого) связаны следующие элементы текста: указание на место и время событий, ссылка на источник информации, подтверждение достоверности, что в целом соответствует жанру преданий. Анализ содержательного элемента, который мы условно назвали интерпретацией ритуального события, позволяет сделать выводы относительно механизма создания и воспроизведения устных

---

¹⁷ Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. С.49–50.

рассказов. Тексты, в которых мотивировки принесения в жертву животного более близки к актуальному периоду ритуала, основаны на пересказах устных воспоминаний об обряде. В остальных случаях к событию прошлого – принесения в жертву животного / хватания мяса подбираются интерпретации из «заготовок» повседневной жизни. Выявление функций устных рассказов с мотивом заклания животного / хватания мяса связано непосредственно с ситуацией рассказывания этих текстов. Рассказывая о событии прошлого своего коллектива – хватании мяса / закалывании животного на Ильин день, – информант выделяет эту дату из потока времени (функция – структурирование времени на основе событий местной истории), декларирует свою принадлежность к коллективу (идентификационная функция), а в ситуации сообщения собирателю фольклора – репрезентирует себя как представителя данного локального сообщества (репрезентативная функция).

В третьей главе **«Мотив явления оленя в сюжете о жертвоприношении животных в локальной традиции Вишеры: от легенды к коллективному прозвищу»** рассматриваются модели экспликации указанного мотива в материалах и исследованиях по коми традиции XIX – XX вв., а также в устной локальной традиции Вишеры второй половины XX – начала XXI в. В первом параграфе **«История развития легенды о явлении оленя в вишерской локальной традиции»** анализируются исторические документы и документально-художественные произведения, в которых отразилась история престола Рождества Богородицы, чудотворной иконы Божьей Матери и связанная с ней легенда о явлении оленя. Анализ источников позволяет предположить, что чудесное обретение иконы случилось в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, что стало основанием для строительства церкви с престолом во имя этого праздника. Весть о чудесном обретении иконы инициирует особое отношение как к месту события (после иерофании оно воспринимается как место возможного контакта с божественными силами и привлекает паломников), так и непосредственно к иконе – сакральному объекту, вокруг которой формируется корпус текстов о чудесных её свойствах.

Все это способствует появлению обетной практики, в том числе и жертвоприношения животных. И здесь легенда о явлении оленя могла стать «призывом к действию»¹⁸. Поскольку нам неизвестно событие, спровоцировавшее появление легенды о явлении оленя, мы предполагаем, что текст получил распространение вследствие того, что «реальность» легенды исторически оказалась понятной и близкой для вишерцев.

Во втором параграфе **«Модели экспликации легенды о явлении оленя в материалах и исследованиях по коми традиции»** установлено, что отправной точкой для развития темы явления оленя в сюжете о жертвоприношениях в материалах по коми традиции стало произведение А. Ф. Попова «Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению»¹⁹. В этом сочинении сюжет легенды о явлении оленя связан непосредственно с целью путешествия автора-рассказчика – знакомства с чудесным образом Вишерской Божьей Матери, и приводится как одно из «чудес, изливающихся от святыни». Согласно авторской концепции данное «чрезвычайное и непонятное происшествие» происходило около Вишерской церкви после явления иконы и подтверждало «чудодейственную силу Божьей Матери». Буквально через год после выхода произведения А. Ф. Попова сюжет о явлении оленя к Вишерской церкви публикуется в историческом сочинении «Устьвым»²⁰ М. И. Михайлова (1821–1853), который был коллегой А. Ф. Попова по Усть-Сысольскому уездному училищу. Текст легенды приводится как «предание», раскрывающее древний и особый статус Вишерской церкви. В последующем в различного рода публикациях фигурируют эти два варианта легенды о явлении оленя, среди которых выделяются работы обобщающего характера, например, в

---

¹⁸ Именно такую функцию легенды выделяет К. В. Чистов. См.: *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 336.

¹⁹ *Попов А.* Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 10. С. 105–110; № 11. С. 119–123; № 12. С. 129–137.

²⁰ *Михайлов М.* Устьвым // Вологодские губернские ведомости. 1850. № 1–17, 19–22, 25, 27–28, 32, 34–35, 38–42, 44–46, 49–50, 52. Опубликовано в виде отдельной кн.: *Михайлов М.* Описание Устьвыма, составленное учителем Усть-Сысольского уездного училища М. Михайловым. Вологда, 1851.

сочинении К. Попова²¹ легенда приводится как иллюстрация древней религии зырян; в сборнике И. К. Степановского «Вологодская старина»²² как предание, отражающее историю поселения; в произведении А. В. Красова²³ как источник «по языческому мирозерцанию зырян». Указанные варианты публикации легенды становятся основным источником в работах, в которых предлагается интерпретация мотива явления оленя в сюжете о жертвоприношении коми традиции. Одним из первых такую попытку предпринял А. С. Сидоров, он рассмотрел «предание» о жертвенном олене как реликт дохристианской религии зырян и источник сведений по первоначальному варианту обряда жертвоприношения домашнего животного. Идея о том, что легенда с сюжетом явления оленя отражает первоначальный вариант обряда жертвоприношения домашнего животного в коми традиции, получила дальнейшее развитие в этнографических исследованиях, в которых фольклорные тексты рассматривались как источник исторической действительности. Подобный подход наблюдается в монографии В. Н. Белицер, где замена оленя домашним животным в обряде жертвоприношения и исчезновение диких оленей рассмотрены через призму научной концепции об обрядовой пище, как источнике по традиционным формам хозяйствования²⁴. К началу 1990-х гг. в научных кругах утвердилось мнение о принадлежности сюжета о явлении оленя дохристианской религии финно-угров или древних охотников. Вариантом подобного подхода стала гипотеза Н. Д. Конакова²⁵. Легендой о явлении оленя он подтверждает соотнесенность образа лося / оленя с символом осеннего периода охотничьего календаря.

В третьем параграфе «Кто «убил» оленя?: к вопросу об оригинальности сюжета легенды о явлении оленя в публикациях XIX в.» исследуется сюжет легенды о явлении оленя со смертью животного в финале.

---

²¹ *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край. М., 1874. С. 19.

²² *Степановский И.К.* Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 426–427.

²³ *Красов А.В.* Зыряне и св. Стефан, епископ пермский. СПб., 1897.

²⁴ *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX–начало XX в. М., 1958. С. 235.

²⁵ *Конаков Н.Д.* Календарная символика уральского язычества. Сыктывкар, 1990. С. 16.

Данный вариант сюжета легенды выявляется в публикациях XIX в. и относится к фольклорной традиции вишерских коми. Однако в фольклорно-этнографических материалах по данной локальной культуре фиксируется типичный для «севернорусской-финноугорской традиции»²⁶ финал сюжета – опоздавший олень убегает. Поставив цель – выяснить источники легенды и историю появления сюжетного варианта со смертью оленя – мы проанализировали народную и опубликованные версии легенды (разделы параграфов **«Особенности экспликации легенды о явлении оленя к Вишерской церкви в сочинении А. Ф. Попова»** и **«Особенности экспликации легенды о явлении оленя к Вишерской церкви в сочинении М. И. Михайлова»**) с использованием сравнительно-сопоставительного, типологического, текстологического, лингвосемантического методов. В результате исследования пришли к выводу, что сюжет легенды о явлении оленя со смертью животного в финале является авторской интерпретацией А. Ф. Попова, возникшей в результате изменения модальности текста: невероятное событие осмыслено и передано как «происшествие». Это становится причиной трансформации содержания самого высказывания, за которым следует изменение связи содержания высказывания с действительностью (явление оленя из причины последующего жертвоприношения становится следствием чудесности иконы) и функции текста (из конструирования реальности переходит в подтверждение реальности).

Структура четвертого параграфа **«Модели экспликации мотива явления оленя в устной традиции Вишеры»** определяется анализируемым материалом. Первый раздел **«Реконструкция легенды о явлении оленя к Вишерской церкви»** начинается с определения легенды, под которой понимается нарратив, транслируемый в локальной фольклорной традиции, рассказывающий о невероятных событиях или явлениях, которые

---

²⁶ Мороз А.Б. Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели // Ethnolinguistica Slavica. М., 2013. С. 212–233.

воспринимаются исполнителями как истинные, инициальные и продолжающиеся в современности, основная функция легенды – «конструирование реальности»: текст «достраивает, преобразует, трансформирует» реальность²⁷. Имея варианты авторского изложения легенды о явлении оленя середины XIX в. и современные формы её реализации, мы можем предположить, что в предыдущие века рецепция этого сюжета была такой же и состояла из следующих содержательных элементов: 8 сентября в престольный праздник Рождества Пресвятой Богородицы – день явления иконы к Вишерской церкви – ежегодно являлся олень, символизируя истинную веру вишерцев, и отдавался на заклание; в последующем олень стал опаздывать, вишерцы, потеряв веру, принесли в жертву домашнее животное; олень явился; увидев, что заменен домашним животным, ушел и больше не являлся; вместо него стали ежегодно по завету приносить домашнее животное. Как мы полагаем, данная форма легенды сохранялась преимущественно среди священнослужителей Вишерской церкви и предназначалась для непосвященного круга участников и паломников (этот вариант нашел отражение в публикации А. Ф. Попова и рассмотрен в предыдущем параграфе). Второй формой экспликации легенды были «дочерние рассказы», повествующие о чудесах, исходящих от иконы, а также о случаях исцеления / устранения проблемы после принесения в жертву домашнего животного «по завету». Третья форма легенды о явлении оленя транслировалась на периферии так называемого сакрального центра. В этих текстах акцент делался на истории святости и необычности события, которое некогда имело место на Вишере.

Во втором разделе **«Особенности экспликации мотива явления оленя к Вишерской церкви в рассказах-воспоминаниях»** анализируется текст, который был записан Ф. В. Плесовским в 1972 г. в дер. Даниловка Печорского р-на во время Печорской фольклорной экспедиции от Габова Григория Кирилловича, 1909 г.р., уроженца с. Богородск Корткеросского р-на. Нарратив

---

²⁷ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб, 2003; Лунатова А.П. Вариативность легенды. М., 2019.

состоит из двух частей, которые различаются по содержанию, источнику и способу изложения. Первая часть – о явлении лося к Вишерской церкви – представляет собой рассказ в рассказе, где исполнитель пересказывает сообщение своего дяди; источник второй части рассказа – описания обряда жертвоприношения домашнего животного – личные впечатления информанта. Несмотря на единичность записи, мы можем выявить в ней общие тенденции в развитии сюжета о жертвоприношении в устной традиции Вишеры. В актуальный период обряда жертвоприношения домашнего животного нарратив о явлении оленя / лося воспринимался как прежний, исконный вариант обряда, и после перехода этнографического явления в устную традицию об этих событиях стали рассказывать, как о фактах прошлого, хронологически сменивших друг друга.

В третьем разделе параграфа **«Нарративы с мотивом явления оленя в устной традиции Вишеры конца XX – начала XXI в.»** анализируются тексты о явлении оленя и жертвоприношении домашнего животного, которые имеют устное происхождение. По способу экспликации данного сюжета выделяются следующие формы текстов: 1) пересказы легенды; 2) нарративы с отдельными содержательными элементами легенды; 3) нарративы, где описание явления оленя и жертвоприношения домашнего животного представлены в «динамичной форме», а события излагаются в хронологическом порядке (сюжет этих текстов устойчив: сначала жертвовали оленя, который приходил сам, а потом стали приводить домашних животных); 4) тексты в форме кратких перечислений фактов прошлого; 5) тексты, в которых сюжет упрощается до одного события (в этом случае сохраняется только явление оленя); 6) нарративы с иным развитием сюжета (повествование о том, что олень мог явиться, если домашнее животное не было принесено в жертву; домашнее животное закалывали в том случае, если олень не явился; явившегося оленя не трогали, а закалывали на Пречистую корову и на Ильин день – быка); 7) нарративы, в которых реализуется коллективное прозвище жителей с. Богородск – «вишерские – мослы обгладывающие», а также его мотивация,

представленная повествованием о явлении оленя / лося и / или жертвоприношении домашнего животного. Вслед за Н. В. Дранниковой мы выделяем их в отдельную группу преданий «о происхождении локально-групповых прозвищ»²⁸. Наблюдается тенденция к сокращению повествовательной части, из которой опускается мотив о явлении оленя и коллективное прозвище мотивируется только «закалыванием быка». Подобная мотивация чаще всего приводится при интерпретации фрагмента географической песни, в которой реализуется коллективное прозвище «вишерские – коровье мясо едящие». Таким образом, несмотря на слабую структурированность и разнообразие форм, мы рассматриваем нарративы с мотивом явления оленя и сюжетом о жертвоприношении домашнего животного в жанровой парадигме преданий на основании следующих параметров: по происхождению они имеют устную природу; в содержательном отношении представляют описание событий прошлого коллектива (местная история); в структурном плане – пересказ фактов прошлого; основная функция – способ выражения локальной идентичности.

В **Заключении** подведены итоги диссертационной работы и намечены перспективы в исследовании сюжета о жертвоприношении животных, среди которых можно назвать: изучение локальных вариантов обряда жертвоприношения животных в других традициях; экспедиционное исследование локальных традиций, в которых по историческим материалам зафиксированы сведения о жертвоприношении домашних животных; картографирование сведений о жертвоприношении животных на основе исторических и современных материалов; исследование нарративов с мотивом явления оленя в других локальных традициях, а также фольклорного мотива явления оленя с применением межжанрового подхода к его описанию и интерпретации.

---

²⁸ Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск, 2004. С. 208.

Диссертационная работа имеет три Приложения. В **Приложении 1** представлена структурно-типологическая систематизация сведений об обряде жертвоприношения животных в народной традиции коми по опубликованным и архивным материалам XVIII – первой трети XX в. В **Приложении 2** приводятся нарративы с мотивом хватания мяса / закалывания бычка на Ильин день в с. Ношуль Прилузского р-на Республики Коми. В **Приложении 3** содержатся нарративы с мотивом явления оленя к Вишерской церкви. Представленные в приложениях архивные и опубликованные источники паспортизированы в строгом соответствии с научными требованиями. Тексты из экспедиционных аудио- и видеоматериалов расшифрованы и переведены на русский язык автором работы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Лобанова Л. С. Некоторые мотивы Великого четверга в прилузской и верхневычегодской традициях коми // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 11. – С. 190–197.
2. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Современная традиция почитания православных икон в с. Нившера Корткеросского р-на Республики Коми // Традиционная культура. – 2017. – № 1 (65). – С. 38–51.
3. Lobanova, L., Kuznetsov N. Introduction. Komi Folklore Studies: Connecting Points // Folklore: Electronic Journal of Folklore. – Tartu: Estonian Literary Museum, 2019. – Vol. 76. – Pp. 7–14.
4. Лобанова Л. С. К вопросу о формировании образа Параскевы Пятницы в локальной традиции нившерских коми // Вестник угроведения. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 141–151.

5. Лобанова Л. С. Нарративы с мотивом *Илля яй кватайтны* (хватать Ильинское мясо): форма, структура и функции текста // Традиционная культура. – 2023. – Т. 24. – № 1. – С. 76–87.

Публикации в других научных изданиях:

6. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Народный календарь с. Богородск Республики Коми // Живая старина. – 2013. – № 3. – С. 45–48.

7. Лобанова Л. С. От обряда к преданию: к вопросу текстообразования современных устных рассказов о жертвоприношениях на Ильин день в с. Ношуль Прилузского р-на // Фольклористика Коми. Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: динамика развития, трансформация, классическое наследие и современные формы / отв. ред. Ю.А. Крашенинникова. – Сыктывкар, 2016. – С. 69–91. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 74).

8. Лобанова Л. С. «Остались от оленя рожки да ножки» или «Легенда об олене» в современной фольклорной традиции вишерских коми / “Põdrast jäid alles vaid sarved ja jalad” ehk põdralegend Višeri komide traditsioonis täna // Kaheteistkümnnes Eesti folkloristide talvekonverents Folkloor ja avalikkus [Estonian Folklorists’ 12th Winter Conference Folklore and the Public]. – Tartu: ELM Scholarly Press, 2017. – P. 27–28. (Электронная версия доступна на сайте Отдела фольклористики Эстонского литературного музея. URL: <https://www.folklore.ee/rl/fo/konve/2017/ftk/teesid.pdf>).

9. Лобанова Л. С. Обряд жертвоприношений в научной концепции А. С. Сидорова // Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал. – 2022. – Вып. 2. – С. 25–30.

10. Лобанова Л. С. ”Хватать Ильинское мясо”: от ритуальной действительности к мотиву преданий // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2023. – Т. 6. – № 2. – С. 49–68.